

Въ настоящее время наблюдается во всѣхъ арміяхъ міра опредѣленная тенденція къ сокращенію срока службы подъ знаменами. Принимая во вниманіе усиливающуюся сложность военнаго дѣла и малоцѣнныя духовныя качества современныхъ «миролюбивыхъ мѣщанъ», проникнутыхъ духомъ самаго грубаго и примитивнаго матеріализма, надо признать, что въ теченіе 1—1½ года *невозможно создать солдата*. Можно лишь «натаскать» новобранца. Солдатомъ будетъ только тотъ, кого не только научили обращенію съ оружіемъ, но и *соотвѣтственно воспитали*. Для воспитанія же необходимы время и соотвѣтствующія условія военной жизни. Поэтому, первымъ и необходимымъ условіемъ новой военной системы является *увеличеніе срока службы подъ знаменами*.

Располагая обширными кадрами лицъ призывнаго возраста. Россія сможетъ получить, путемъ *тщательнаго отбора*, перво-классный людской матеріалъ. Столь совершенные, по своимъ духовнымъ и физическимъ качествамъ контингенты, пропущенные въ теченіе 4—5 лѣтъ черезъ поле и казарму, обратятся въ подлинныхъ солдатъ, способныхъ по завѣту Петра Великаго «съ малою кровію» рѣшать самыя сложныя заданія. Къ тому же, только такую «малую» армію сможетъ возрожденная, но разоренная страна снабдить должной техникой, находящейся на уровнѣ современныхъ требованій.

Освобожденіе отъ воинской повинности должно восполняться соотвѣтствующимъ военнымъ налогомъ, причемъ налоговая система должна предусматривать не только денежные взносы, но главное — трудовую повинность по своей основной, мирной специальности. Это послѣднее условіе явится лучшей подготовкой населенія къ тяготамъ военнаго времени, когда вся страна обращается въ грандіозный тылъ, обслуживающій нужды арміи и населенія.

Б. Штейфонъ.

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ НАУКИ*).

*Свѣтлой памяти профессоровъ Московскаго Университета
Сергія Михайловича Соловьева,
Бориса Николаевича Чичерина,
Владимира Ивановича Герье.*

Вдали отъ родины, въ чужой странѣ, въ состояніи изгнанничества, справляемъ мы сегодня нашъ русскій исконный академическій праздникъ, юбилейный праздникъ Московскаго Университета... И слышится въ сердцѣ нѣкій голосъ, напо-

*) Рѣчь, произнесенная 12 января 1930 года въ Берлинѣ, на собраніи въ честь 175-лѣтней годовщины со дня основанія Московскаго Университета.

минающей о томъ, что юбилей, празднуемый нами сегодня, есть юбилей не радостный, а скорбный; и что мы обязаны сказать себѣ самимъ скорбную и горькую правду: *не оградили мы Россію отъ бѣды и разгрома; не уберегли мы русскую Академію отъ порабощенія и поруганія*; свирѣпый врагъ владѣть нашей родиной: двѣнадцать лѣтъ тому назадъ онъ овладѣлъ ею и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ русскіе ученые, вѣрные своему званію, стали или *мучениками*, или *изгнанниками* . . .

И когда выговариваешь про себя эту горькую правду, въ которой звучитъ, какъ нѣкій отдаленный раскатъ грома, *судъ исторіи* надъ тѣмъ, что было, и надъ тѣмъ, что совершается нынѣ, — сразу: и вопросъ, и отвѣтъ, и укоръ, и приговоръ, и поученіе, и призывъ; когда выговариваешь эту формулу скорби, страданія и стыда, въ коей сосредоточилось такъ много свиду бесплоднаго, но героическаго (и потому никогда не бесплоднаго) сопротивленія, — то неизмѣнно спрашиваешь себя: а развѣ могло быть иначе, развѣ могло быть такъ, что судьба исторической Россіи, создавшей русскую Академію, *не* станетъ судьбой русскихъ университетовъ и русской науки? что будетъ растлѣна и поругана, востлѣдъ за русской государственностью, вся русская національная культура, за исключеніемъ академій? что волна русскаго варварства и интернаціональнаго злодѣйства, поднявшись и затопивъ все, пощадитъ именно научную кафедру въ Россіи?

Этого не могло быть; и этого не случилось. Этого не могло быть уже потому, что *наука неотрывна отъ породившей ее національной культуры*: наука есть органическая сила народной жизни и исторіи, живое дыханіе народнаго духа; и, въ то же время, наука есть величайшая національно-воспитательная сила, которая именно для того излучилась изъ народной души и сосредоточилась въ особый очагъ, — очагъ мысли и знанія, — чтобы вернуть народу свою сосредоточенную и очищенную, а потому воспитывающую и облагороживающую силу. Академія, университетъ, высшая школа, и вмѣстѣ съ тѣмъ наука, научная мысль и научное преподаваніе — вырастаютъ отнюдь не внѣ времени и пространства, отнюдь не въ какой-то безвоздушной пустотѣ, ничѣмъ не обусловленной, кромѣ «природы вещей» и «логическихъ основаній». Такой академіи, такой науки исторія не знала. И правы мы, что празднуемъ сегодня не отвлеченную науку вообще, а *русскую науку, русскую академию, русскій Московскій Университетъ*, чувствуя учителей и учениковъ *русской науки*.

Не могло быть иначе, и не произошло иначе: кто порабощаетъ Россію, — тотъ порабощаетъ и русскую науку; и обратно: растлѣвающей и унижающей русскую науку, — растлѣваетъ и унижаетъ самое духовное тѣло національной Россіи. Онѣ неразрывны — Россія и русская Академія; неразрывны и въ расцвѣтѣ, и въ разгромѣ, и въ славѣ, и въ униженіи. И

не случайно, не условно, а вѣрно и подлинно это словосочетаніе: «русская наука» и «русская академія».

Знаю, что *научная истина*, если она истина, *одна* для всѣхъ, для всѣхъ временъ, народовъ и классовъ; и знаю также, что ученому подобаетъ желать и свойственно добиваться знанія именно этой *сверхнаціональной* и *общеобязательной* истины. Нелѣпа и противоестественна идея «классовой» или «національной» истины. Противоестественно и нелѣпо навязывать ученому въ видѣ заданія и цѣли что-нибудь иное, кромѣ истины единой и общеобязательной. Ученый, не воспитавшій въ себѣ такую волю — не ученый, а безответственный публицистъ и сѣятель соблазна. Ученый, торгующій своей волей и призваніемъ — есть іуда, рабъ и льстець. Знаю это все; знаю и исповѣдую.

И тѣмъ не менѣе, не отступаясь отъ этого знанія и исповѣданія, изъ полной души, умомъ и сердцемъ, произношу слова «*русская наука*»; съ гордостью думаю о *русской академіи*; съ любовью думаю о *русскихъ ученыхъ*. Ибо каждая великая національная культура имѣла и будетъ имѣть свою *національную* науку и Академію: она созидаетъ ее, бережно блюдя ея духовную свободу; она выращиваетъ ее вѣнками, принося для нея жертвы; она нуждается въ ней для своего расцвѣта, нуждается и матеріально (технически, хозяйственно, учебно, стратегически) и духовно (на *всѣхъ* путяхъ своего духовнаго творчества, самочувствія и самоопредѣленія). Нація, не имѣющая *своей* науки — первобытна и недоумѣнна въ своемъ бытіи: ея самочувствіе темно и растеряно; ея самосознаніе безпомощно молчитъ; ея духовность хаотична и проблематична; ея Слово томится, не рожденное во мракѣ страстей, въ подвалахъ ея инстинкта. И потому — въ смыслѣ духовнаго свѣта и прозрѣнія, въ утвержденіи власти духа надъ страстями и надъ матеріей, въ организаціи духовнаго космоса націи — *рожденіе науки и рожденіе Академіи есть подлинный праздникъ національнаго самоутвержденія, самонахожденія и самоосвобожденія* . . .

Иѣтъ, не въ конечныхъ отвлеченныхъ *выводахъ* національна наука; въ нихъ она общечеловѣчна. И не въ конечной *цѣли* своихъ усилій націоналенъ ученый; въ нихъ онъ — общечеловѣчскій герой, завоеватель и вождь. И потому правы мы, когда научаемъ нашихъ дѣтей чтить Аристотеля и Галилея, Ньютона и Канта, какъ такихъ подвижниковъ и героевъ, которые, хотя и не нами выстраданы, но намъ даны и нами приняты, какъ даръ, какъ призывъ и обязательство. Но и не во внѣшней природѣ испытываемыхъ *вещей* національна наука; ибо эта матеріальная природа открыта каждому и дана всѣмъ. — Возьмемъ ли паденіе тѣла въ пространствѣ, или химическій составъ вещи, природу Тибета или новооткрываемую бактерію . . .

Но въ *живомъ источникѣ*, творящемъ познание и добывающемъ истину — наука національна; и въ осуществляемомъ *способѣ познанія*, въ укладѣ познающей души и въ строеніи познавательнаго акта — наука остается національною; и въ обращеніи къ тому народу, который породилъ ее, къ *его материи* и къ *его духу* (этнографія даннаго народа, его исторія, экономика, соціологія, культура, правовѣдѣніе, этика, эстетика и вся философія его) — наука всегда была и всегда будетъ національною по преимуществу.

Такъ, во-первыхъ, наука національна по своему *живому, творческому источнику*. Геній каждаго народа вложилъ и вкладываетъ *свое* въ богатство общечеловѣческой научной добычи. Избитое выраженіе «національный вкладъ въ міровую науку» — полно глубокаго смысла: ибо каждый народъ, живя по своему, — на всѣхъ своихъ историческихъ путяхъ и во всѣхъ своихъ судьбахъ. — создаетъ свою единую *національную научную лабораторію*, возникающую изъ всей его національно-душевной сущности, въ связи съ его національною государственностью и его національнымъ хозяйствомъ. Пусть то, что уже открыто и познано — принадлежитъ всѣмъ, и въ дѣйствительности, рано или поздно, становится достояніемъ сверхнаціональнымъ. Но самое *открываніе* — испытываніе, изслѣдованіе, созерцаніе и познание, — выстрадывается отдѣльными народами, созрѣваетъ въ ихъ національныхъ лабораторіяхъ. Такъ, мы отчетливо и твердо знаемъ, что именно внесли греки въ географію, исторію, политику, этику, логику и метафизику; вкладъ римлянъ въ юриспруденцію и исторіографію глубоко націоналенъ; глубоко націоналенъ вкладъ англичанъ въ индуктивную логику, въ естествознаніе и государствовѣдѣніе; кто вздумаетъ отрицать французскую историческую школу, французскую математику и химию, французскую невропатологію? кому не ясно глубокое своеобразие германскаго генія въ философіи или юриспруденціи?

Каждый народъ выстрадываетъ и вынашиваетъ *свою* національную Академію и науку: рожденная изъ *его* души, въ *его* судьбахъ, она есть *его* національное достояніе — прежде всего, и *до* того, какъ она становится достояніемъ *общечеловѣческимъ*. Каждый народъ имѣетъ *свою* науку: онъ *правъ*, когда бережетъ ее и гордится ею, ибо она есть прежде всего — живое національное дыханіе его души и усиліе его разума.

Эта національность науки. быть можетъ, ни въ чемъ такъ не обнаруживается, во-вторыхъ, какъ именно въ самомъ *укладѣ познающей души*, въ вынашиваемомъ ею *способѣ познанія* (методъ!), въ строеніи познавательнаго акта.

Каждый народъ, — независимо отъ того, понялъ онъ это или не понялъ, дорожитъ онъ этимъ, или не дорожитъ, — имѣетъ свой особый укладъ души и духа, исторически и ирраціонально сложившійся у него, въ качествѣ живого итога

всѣхъ его судебъ: тутъ и климатъ, и почва, и расовое скрещеніе, и войны, и религія, и учрежденія, и вліяніе другихъ народовъ, словомъ и небо, и земля — внесли свое и дали ему свое. И вслѣдствіе этого каждый народъ по свѣдѣму говоритъ и работаетъ, по своему молится и плачетъ, по своему подчиняется и бунтуетъ, по своему пляшетъ и поетъ, по своему мыслить, судится, сражается, строить, созерцаетъ и наслаждается. Смысль человѣческой жизни и исторіи — въ одухотвореніи человѣческаго инстинкта, въ творческомъ освященіи прирожденной намъ животности. И вотъ, способы этого одухотворенія и освященія, и (еще проще, элементарнѣе) самые способы жизни и изживанія — *національно различны* у людей; настолько, что пути однихъ народовъ обычно чужды и *безплодны*, а иногда томительны и даже обременительны для другихъ народовъ.

Таковъ законъ исторіи, что *духовное созрѣваніе и плодоношеніе души національно*; и въ этой національности — *своеобразно*. Этому закону подлежитъ и наука: актъ мысли и познанія.

Каждая нація вкладываетъ въ свою науку свою душу во всемъ ея своеобразіи: подвижность или неподвижность своихъ чувствъ; ясность и зоркость, или наоборотъ, тяжеловѣсность и туманность своей мысли; яркость или блеклость своего воображенія; утонченность или элементарность своей интуиціи; упорство или неустойчивость своего характера; свое національно воспитанное или невоспитанное чувство отвѣтственности — будь оно доведено до педантической осторожности или до легкомысленной беспочвенности; ширину или узость своего кругозора; свой національный юморъ, остроуміе, вкусъ, стиль, темпераментъ, способъ доказательства, приспособляемость, наблюдательность, изобрѣтательность. И вотъ, возникаетъ *научный методъ* и *научный актъ* особаго строенія, національной структуры; иногда очень различно представленный у ученыхъ одной и той же націи; и тѣмъ не менѣе родственно-похожій у ученыхъ одного народа; легче подмѣчаемый нами у иностранныхъ ученыхъ и нерѣдко неосознаваемый нами въ насъ самихъ. Достаточно указать въ видѣ примѣра — на уравновѣшенный и трезвый прозаизмъ англійской науки; на чеканную ясность, блескъ и чувство мѣры у галльскаго разума; на глубину и всеисчерпывающую добросовѣстность германской мысли; на вселенскій кругозоръ и непосредственную свободу, на гибкость, пластичность и темпераментность русскаго ума...

Итакъ, наука національна не только по своему *творческому источнику*, но и по своему *методу* и *акту*.

Но она національна, въ третьихъ, и тогда, когда порождающей ее народъ дѣлаетъ *предметомъ* своего изученія *себя самого* — свою природу, свою исторію, свою культуру и созданія, свой душевно-духовный опытъ и его предметныя содержанія

(вѣра, очевидность, совѣсть, вкусъ, правосознаніе). И, можетъ быть, изъ европейскихъ народовъ ни одинъ не испыталъ и не испытываетъ это съ такой силой, какъ мы, русскіе. Кѣмъ изслѣдованъ нашъ языкъ, наша грамматика, наша стилистика исторія нашей литературы? Кто изучалъ нашъ фольклоръ. нашу этнографію, нашу исторію, наше право? Кто создалъ нашу географію, орнитологію, ботанику, науку о нашемъ хозяйствѣ? Кто могъ и хотѣлъ постигнуть нашу вѣру, наше вѣдѣніе добра и зла, наше чувство права, наше художественное горѣніе и творчество? Кто совершилъ это и кто призвалъ это совершить — если не мы сами, русскіе? Ученые какого народа нашли въ себѣ достаточно духовной ширины и свободы, достаточно чуткости и пластической силы для того, чтобы почуять, уловить, изслѣдовать и познать своеобразие того научнаго предмета, который именуется «русскимъ народомъ», «русской исторіей», «русской духовной культурой»?

Съ тѣхъ поръ, какъ родилось русское самосознаніе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ родилась русская наука и русская Академія, — мы, русскіе, живемъ съ душой, открытой для всего міра, для всѣхъ народовъ, одолевая трудности ихъ языковъ, вчувствуясь въ своеобразие ихъ душъ и ихъ культуръ, изучая ихъ пути, сострадая ихъ судьбамъ, радуясь ихъ геніямъ, преклоняясь передъ ихъ вождями, микроскопически изучая ихъ бытъ, ихъ право, хозяйство, культуру и искусство. Мы изучаемъ ихъ. Мы понимаемъ и знаемъ ихъ. А они насъ?

Мы для нихъ — какъ книга за семью печатями. Они не разумѣютъ нашего языка. Они не чувуютъ нашей души и нашего духа. Они не понимаютъ нашего уклада и нашей государственности. Они не разумѣютъ нашей судьбы и не помнятъ, чѣмъ они намъ обязаны. Они не видятъ нашей трагедіи и нашего предназначенія. И, если они когда нибудь начинаютъ изучать что нибудь русское, — то только для цѣлей своей *торговли* или своей *стратегіи*: не интересомъ человѣка и ученаго, а интересомъ комми-вожера и завоевателя. Вотъ почему, когда мы, нынѣ временно изгнанные и разсѣянные, слышимъ ихъ сужденія о насъ (въ любой странѣ, гдѣ бы мы ни жили) — мы всегда чувствуемъ себя — то какъ взрослый передъ вкривъ и вкось судящимъ недорослемъ, самодовольнымъ и пренебрежительно-развязнымъ, то какъ временно беззащитная жертва передъ мѣтко нацѣливающейся хищной птицей.

И такъ будетъ, можетъ быть, еще долго, — пока они не привькнутъ изучать русскій языкъ; пока они не перестанутъ мечтать объ ослабленіи, раздѣлѣ и колонизаціи нашей страны; пока мы не научимъ ихъ тому, что Россія есть великій національный субъектъ, а не соблазнительный объектъ для военнаго и торговаго нашествія: пока величіе русскаго духа и русской культуры, пока сила русскаго характера не внушитъ имъ настоящаго, неподдѣльнаго уваженія къ нашей Россіи!..

А до тѣхъ поръ русская наука будетъ, какъ никакая другая, — *національной* и по своему предмету.

Но и тогда, когда это время наступитъ, оно не измѣнитъ существа дѣла. А существо дѣла состоитъ въ томъ, что русская наука, какъ была, такъ и останется — *органомъ русскаго духовнаго самосознанія и русскаго матеріальнаго самоизученія*. Культурно немощенъ и духовно безпомощенъ тотъ народъ, который не сумѣлъ изучить данную ему отъ Бога *природу*, для того, чтобы творчески овладѣть ею, подчинить ее себѣ и превратить ее въ свой благоустроенный домъ и въ безопасную колыбель для своего потомства; который не создалъ самъ *историческую науку о самомъ себѣ*; который не сумѣлъ изучить свое прошлое, увидѣть единственный въ своемъ родѣ (идіографическій) законъ своего бытія, ритмъ своей исторіи, не сумѣлъ *постигнуть свою судьбу, чтобы овладѣть ею*. Такой народъ не достигъ еще духовной зрѣлости...

И вотъ, сто семьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ былъ заложенъ фундаментъ, было положено начало нашего созрѣванія, когда гений Ломоносова замыслилъ и создалъ Московскій Университетъ; и сто лѣтъ тому назадъ аттестатъ нашей зрѣлости вручили намъ Карамзинъ и Пушкинъ. —

Но мало сказать, что наука и Академія національны — по источнику, по методу и акту и по предмету національнаго самопознанія: рожденные націей, онѣ становятся ея *духовнымъ органомъ*, необходимымъ и священнымъ; онѣ образуютъ *очагъ національной мысли и алтарь національнаго разума*.

Признаемъ это и, прежде всего, утвердимъ и исповѣдуемъ въ день нашего русскаго академическаго юбилея — *свободу, силу и благодатность человѣческаго разума!*

Я говорю о разумѣ, а не о разсудкѣ *); не о богопосланномъ и деморализованномъ разсудкѣ, который нынѣ справляетъ свое буйное дѣйство и торжище въ храмахъ и академіяхъ поработенной Россіи; не о разсудкѣ, для котораго все просто, плоско и пошло; который не видитъ Бога, не чтитъ духа, отрицаетъ тайну и традицію, отрекается отъ семьи и родины, и насилуетъ чувство ответственности. Я не о немъ говорю, ибо онъ не свободенъ, не силенъ и не благодатенъ. — ни тогда, когда онъ пассивно-наивенъ; ни тогда, когда онъ осозналъ себя и перешелъ въ нападеніе. То, что онъ насаждаетъ — не живое познаніе, а механическая схема, мертвый штампъ; и присущъ онъ не свободному человѣку, а тому духовному рабу, о коемъ Аристотель сказалъ, что онъ чужое «понимаетъ», а своего «не имѣетъ...» Этотъ разсудокъ прежде всего глушь, ибо онъ не знаетъ своихъ жалкихъ предѣловъ и не видитъ своего без-

---

*) См. статью «Идея обновленнаго разума», въ № 5 «Русскаго Колокола».

силія; и насажденіе его дѣлаеть людей самодовольными въ ихъ глуности и слѣпыми на путяхъ гибели.

Я говорю о *разумѣ*, способномъ непредвзято и открытою душою *испытывать предметъ*; способномъ *видѣть* и потому видящемъ и *свои* предѣлы и начало *тайны* въ предметѣ; о разумѣ, несущемъ въ себѣ чувство *благоговѣнія и ответственности*, и *благодаря этому* свободномъ и сильномъ... Ибо, по истинѣ, *только ответственность даетъ свободу и только свобода даетъ силу!*

Я говорю о разумѣ, какъ *божественномъ* началѣ въ чело-вѣкѣ... Ибо прошли и никогда не вернутся тѣ времена, когда люди считали разумъ началомъ дьявольскимъ. Эти времена не вернутся никогда, сколько бы безответственное пустословіе ни предсказывало наступленіе «новаго средневѣковья» и сколько бы фанатическое мракобѣсіе ни тянуло къ нему. Я говорю о разумѣ, проникающемъ къ мудрости сердца, питающемся духовною очевидностью и несомомъ недвоящеюся волею. И потому вослѣдъ Пушкину я вѣрую, что разумъ въ чело-вѣкѣ есть дѣйствительно «солнце святое» и «безсмертное»; и знаю, что на фронтонѣ нашей Московской Академіи будетъ однажды возстановлена мудрая и благая надпись «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ...»

Такъ, Университетъ и Академія есть очагъ національной мысли и алтарь національнаго разума — школа *національной интеллигентности*. Истинная интеллигентность опредѣляется не начитанностью, не свѣдѣніями и не умѣніями. Она опредѣляется творческой силой души въ *испытаніи*, въ *наблюденіи* и *созерцаніи*, въ *выдѣленіи существеннаго* и въ *постиженіи* той *индивидуальной закономерности*, которая *владеетъ каждымъ предметомъ*. Университетъ вообще призванъ не къ тому, чтобы давать свѣдѣнія или провѣрять память людей: но къ тому, чтобы учить самостоятельно и непредвзято познавать. Мы чтимъ Академію и ея преподаваніе, не какъ школу памяти и мертвыхъ схемъ, а какъ школу *живого метода*. И ученый преподаватель стоитъ на высотѣ только тогда, когда онъ научаетъ своего ученика *становиться самому лицомъ къ лицу съ предметомъ и самостоятельно уходитъ въ его испытаніе, увидѣніе и описаніе*. Академія обращается не къ памяти, а къ разуму; не къ слѣпому довѣрію, а къ самодѣятельности. Она учитъ не воспроизведенію формулъ, а самостоятельному добыванію; не дедукціи, коей увлекаются всѣ полуобразованные, а индукціи, обрѣтенію, діагнозу. Ей нужна не слабость сужденія, а сила сужденія. Она призвана къ тому, чтобы воспитывать разумъ, т. е. *силу личнаго характера въ предметномъ мышленіи*.

Вотъ почему Академія есть одинъ изъ центровъ *національнаго воспитанія*, ибо она учитъ разумъ чело-вѣка самостоятельности и самодѣятельности, и дѣлаеть это въ традиціяхъ національно выношеннаго научнаго метода.

И все это — въ духѣ *отвѣтственности и свободы*. *Не можетъ быть науки безъ свободы*: ибо рабъ, лишенный свободы, понимаетъ только чужія мысли, а своихъ воззрѣній и убѣжденій не имѣетъ. Мы не теперь познали это впервые: это традиція древняя и священная. Но, какъ никогда ранѣе, мы исповѣдуемъ эту традицію нынѣ, въ эпоху, когда люди съ рабскими душами возстали для того, чтобы надѣть рабское ярмо на русскую науку. Горе тѣмъ, кто изъ другихъ странъ не видитъ этого и не хочетъ понять, что та же судьба ждетъ и ихъ: они сами скоро почувствуютъ на своей шеѣ позоръ и бремя этого налагаемаго рабами рабскаго ярма!..

Но не эту только традицію — традицію академической свободы, утверждаемъ мы нынѣ, а еще другую, не менѣе священную, но болѣе глубокую и столь часто забываемую традицію: *не можетъ быть науки безъ отвѣтственности*. Свобода подobaетъ только тому и причитается только тому, кто чувствуетъ и сознаетъ отвѣтственность жизни, науки и академическаго преподаванія. Ученый, лишенный этого чувства; преподаватель, не воспитанный въ себѣ отвѣтственности передъ Богомъ, передъ своею совѣстью, передъ родиной и передъ людьми — есть явленіе извращенное и отвратительное. Онъ не учитель и не воспитатель, а растлитель воли и соблазнитель мысли; свобода преподаванія имъ не заслужена и не оправдана; и писана не для него.

Хочетъ ученый этого или не хочетъ, знаетъ онъ это или не знаетъ, — онъ есть воспитатель своего народа, его разума, его силы сужденія, его характера, а потому отвѣтственный строитель *всей* его культуры; *всей*, — ибо духъ безъ разума скуденъ, темень и подверженъ всеѣмъ соблазнамъ. И религія безъ разума (безъ Логоса!) — есть лишь темная страсть и одержимость, неистовое пустосвятство или хлыстовскій оргіазмъ. А искусство безъ разума (безъ Предмета и Формы!) — есть лишь возстаніе хаоса, пошлое самоуслажденіе и соврапающая демагогія. Нельзя національной духовной культурѣ быть безъ разума, ибо разумъ есть начало *очистительное и свѣтоносное*.

Вѣруя такъ и исповѣдуя такъ, я праздную сегодняшній день, какъ праздникъ *русскаго разума*, русскаго *отвѣтственнаго* и *свободнаго разума*, воспитывающія традиціи котораго мы восприняли отъ нашихъ славныхъ, любимыхъ и чтимыхъ учителей, для того, чтобы передать ихъ новымъ поколѣніямъ Россіи. Но вѣрить въ русскій отвѣтственный и свободный разумъ — значитъ вѣрить въ его *силу* и въ его жизненную побѣду! И эта побѣда придетъ — по *вѣрѣ* нашей и по *волѣ* нашей.

«Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»